

**Tobacco smuggling in XIX – XX century Galicia and its explanation**

The article analyzes negative effect of tobacco monopoly on the development of tobacco industry in border regions of Galicia. It is shown how such advancement has negated minor tobacco marketing thus strengthening smuggling operations. Means of smuggling transformation are compared alongside the development of tobacco industry in countries neighboring Austrian-Hungarian Empire and later that of Poland. It also demonstrates how the state agencies attempted to stop smuggling operations by inventing the posts of auditors and inspectors, by creating large chain of secret agents and by employing the preferential prices policy for the tobacco manufacture in the certain border villages of Poland.

**Свиридов А. В.****ПИСЬМА Б. Н. ГРАКОВА ИЗ СКИФСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ 1937 – 1962 гг.**

В первой же строке краткого предисловия к публикации хочется отдать должное — привести слова глубокой благодарности замечательному археологу, краеведу и поборнику охраны памятников Алле Григорьевне Плешивенко. Благодаря ее трудам опубликован большой пласт экспедиционной переписки археологов Б. Н. и О. А. Граковых между собой и с домочадцами. Несомненно, книга, в которой эта переписка отражена — «И жизнь, и слезы, и любовь...» [1], послужит ценным материалом историографии экспедиций, поможет дальнейшим уточнениям фактов, находок, продолжению исследований. В то же время мне, как человеку особо близкому к семье этих выдающихся археологов, прожившему в ней около 25 лет от моего рождения до конца их жизни, хочется заметить, что книга явилась подлинным памятником жизни ученых-подвижников. В названной книге приведено около 600 писем из экспедиций и в экспедиции, в которых ученые были с начала 20-х гг. и до последних полевых сезонов. Экспедиции охватывали многие регионы тогдашнего Союза (среднюю полосу России, Черноземье, Оренбургский край, Северный Казахстан), и всё же не ошибусь, если скажу, что большую часть творческой души Борис Николаевич Граков посвятил железному веку Украины. На протяжении многих полевых сезонов: до войны 1941 — 45 гг., частично во время и после нее, работая в Украине, он находился в этой стране под обаянием ее народа и ее истории. Недаром отдельное прижизненное издание книги о скифах было написано им, человеком, способным к языкам, на украинском языке [2]. Кстати, предок Бориса Николаевича — Гаврила Граков, дошедший в период т. н. Заграничных походов 1813 — 14 гг. до Парижа, — был родом из-под Конотопа. Роду Граковых мы посвятили специальную статью [3]. Приводимые письма существенно дополняют эпистолярный, размещенный в книге «И жизнь ...». Впервые приводятся письма первых двух лет экспедиций (1937 — 1938), а также последних с участием Гракова (1960 — 1962) и времени самого апогея раскопок и наибольшего по объему эпистолярия (1950 г. — аж 21 послание!). Подсчеты получаются такие: в книге опубликовано 62 послания, отражающие следующие годы: 1940 — 18 посланий, 1944 — 3, 1945 — 3, 1947 — 2, 1954 — 12, 1955 — 14, 1956 — 5, 1958 — 5; а здесь публикуется 51 послание, которые отражают следующие годы: 1937 — 11 посланий, 1938 — 5, 1941 — 1, 1945 — 1, 1946 — 1, 1950 — 21, 1954 — 2, 1960 — 2, 1962 — 7. В моем архиве имеются существенные дополнения и по письмам

из других граковских экспедиций. Происхождение предлагаемого для обнародования существенного (почти в два раза) пополнения граковского эпистолярного наследия периода скифских экспедиций в Украине, хранящегося в моем личном архиве, хорошо известно. Это письма, которые по просьбе моей матери были спасены мной после пожара в некогда нашей арбатской квартире (февраль 1997 г.). Эта часть переписки была частично залита водой при тушении пожара. Она бы погибла, письма склеились в массу, если бы не были вывезены мной к себе домой, где они были разложены и сушились по отдельности. Горд, что осуществил поистине «археологический» труд над этими памятниками археологии ...

Можно заметить, что это отражает мой определенный философский музейный настрой в отношении информации. Как-то мой знакомый, потомок известных предков Н. Н. Бобринский, выразил мне некую доктрину отношения к генеалогии. Кажется, он слышал ее от кого-то: «Ощущение при этом как когдаходишь в комнату, где лежит покойник, и невольно хочется снять шляпу». Мое отношение к информации генеалогического и биографического значения менее мрачноритуальное. Будем искренни: что такое человек, как не некий файл информации, часто информации, которая может по-разному интерпретироваться и разворачиваться. Совокупность фрагментов такого файла отражает и душу, и физику человека. Сохранение информации — своего рода виртуальная реанимация человека — возможна только при размножении (тиражировании) этой информации. Это обстоятельство — сохранение биоразнообразия — хорошо понятно биологам. И есть чему поучиться у них! А письма — эти весьма существенные отражения душ — как ничто достойны такой реанимации и размножения. Конечно, если мы желаем рая для этих душ — их информационного спасения, сохранения в подобающем объеме!

Текст печатается с оригиналов писем

Курск. 12/VI 37

Дорогие Аля и Муся. Пишу из Курска. Пока что все идет хорошо. Едем без опоздания. Пересадка завтра утром в 6.15. Будьте здоровы. Привет всем, особо В. В. Боря.

Никопольстрой 21/VI 1937

Дорогая Алюша! Сегодня Слонимская привезла мне письмо. Меня очень беспокоит состояние В. В-ны. Да и тети Сонина нога — большая неприятность. Навещай ее, пожалуйста. Мы работаем спокойно. Роем два кургана. С квартирой у нас очень хорошо. Стол обходится в день на человека рублей 6 — 7, что, конечно, отнюдь недорого. Каждый день ходим купаться на Лапинку. Так здесь называется рукав Днепра. Вот, распорядок дня. Встаем в 4 часа, в 5 начинаем работу, кончаем в 2. В три обедаем. Потом спим часа 2, пьем чай и идем купаться. Потом подводим дневники. Насчет зарплаты по ИФЛИ не беспокойся. М. б., справишься своими музейными, а ИФЛИшные, хотя бы частью возьмешь с собою в дорогу рублей 200: денег то ведь на полные три месяца. Здесь нам хватит. Нас кормят прямо на убой. Только одно неважно. Уж очень жарко. По части раскопок мы заканчиваем на снос один курган, видимо грабленный. Набрали гору амфорных черепков и частей пифоса. Другой курган доведен до половины насыпи. Разделка обоих очень красива. 24-го съездили на Кучугуры. Остальное в порядке. Здоровы вполне.

Целую тебя и Мусю. Привет остальным. Не забудь о моли. Не ест ли она кошму. Твой Боря.

Приписки на полях: Насчет приезда сюда реши сама в связи с В. В. Из Москвы ехать обязательно поездом 81. Телеграфируй день выезда.

Обратный адрес на конверте: Б. Н. Граков. Никопольстрой Днепропетровской области. П. о. 441 – у – 1. Село Лапинка, ул. Шевченко, д. 18 – Черкащенко

Никополь 25/VI 37

Дорогие Алюша и Муся!

От Вас всего одно письмо. Это, право, маловато. Копаем все еще два первые небольшие кургана. В одном оказалось три погребения: все порядочно разрушены, но вещи все-таки есть. Одно катакомбное бронзовой эпохи, другое – скифское, тоже катакомбное. На нем, не закончив зачистку мы остановились вчера поздно вечером. Кроме того, навалилось очень неожиданное дело. Один кооператор доставил в Музей прекрасную готскую золотую бляху с инкрустациями из камней. Вещь сделала бы честь любому музею. На днях мы поедем в это место – взглянуть, в чем там дело. Все было бы хорошо. Только я что-то очень утомляюсь. Со стороны Музея все время самое внимательное отношение. Обстановка работы самая организованная, с какою приходилось иметь дело. С этой стороны лучше не придумать. Беспокоит меня только вопрос о Вашей поездке. Если соберетесь, то берите билет обязательно на поезд N 81 с пересадкой в Запорожье. Телеграфируйте на Музей ночью под какое число вы поедете. Если же В. В.-не нехорошо, м. б. Вам лучше не ездить. Кланяйся всем. Мусину задачу решить не умею. Целую Боря. P.S. Купи светофильтр и вращающуюся головку. Пришли по почте или привези. Счет Никопольскому музею. Не забудь хинин. Боря.

Никополь 27/VI 1937

Дорогие Алюша и Муся!

Хотите описания здешней природы. Основное – жара. Купание есть хорошее и для больших и для маленьких. Сад – «вишневый коло хати», но тени мало. Хата большая, в две комнаты. На время Вашего приезда Потапов и Рабинович куда-нибудь выедут. Из фруктов пока что есть вишни, а с Вашим приездом будут и абрикосы. К сожалению, винограду не застанете ни Вы, ни я. Комаров мало и о малярии сейчас неслышно: но хинину для профилактики возьмите непременно. Мы все здоровы. Слонимская хорошо снимает. Уже сейчас у нас больше 50-ти снимков. Кончили один курган с двумя катакомбами, – одной скифской и одной бронзовой. Закончили насыпь второго кургана, тоже небольшого, и начали 3-ий четырех метровый курган. Питаемся хорошо, все здоровы и ждем Вас. Почему Вы выедете только 5-го. Пришлите телеграмму о выезде. Добивайтесь непременно билета на поезд N 81. Будьте здоровы. Всем кланяйтесь. Целую Боря. Адрес для телеграммы Никополь Музей Гракову

Лапинка. 29/VI 1937

Дорогие родственнички!

Маловато изволите писать писем. До сих пор я получил только два. Это за семнадцать-то дней. Ну, да впрочем, скоро надеюсь Вас здесь увидеть. Меня смущает также в смысле Вашего пребывания здесь непрекращающаяся жара, которая все время, конечно, будет возрастать, и [...]вляться. Еще мой вам добрый

совет не ехать без хины и узнать профилактическую дозу и сроки приема, чтобы не принимать ее слишком часто. Это тем более важно, что хотя в этом году здесь [не] слышно о малярии, но место все-таки такое. Мы все здоровы. Хотя я очень устаю. Третьего дня я был на Каменских кучугурах, месте скифского поселения. Там пески буквально выстланы всякого рода вещами, преобладают черепки и шлаки. Недавно в Музей доставили прекрасную золотую готскую вещь. Я с Рабиновичем сейчас поеду за сорок верст на место находки. Берем с собою четырех рабочих и произведем разведочное вскрытие несколькими траншеями. Надежд на мой взгляд немного, но попытаться нужно. Оба малые кургана нами кончены. Только в одном из них оставляем на два дня нетронутую огромную скифскую катакомбу. Большой курган тоже начали второй день и уже срезали вершину на метр с лишком. Сразу же сверху оказались два кочевника в колодах с берестяными колчанами и другой тому подобной рухлядью. На нем останется пока один Потапов. Вообще все обстоит по порядку. Ну, будьте здоровы. Целую всех. Боря.

Никополь. 30/VI 1937

Дорогие Аля и Муся!

Вчера поздно вечером я получил конверт с вашими многочисленными письмами. Меня очень беспокоит состояние бабушки Варвары Васильевны. Такие мы все беспокойные, что теперь меня стало вдруг тянуть в Москву. Мои надежды на ваш приезд теперь совсем расстроились, а я уже мечтал 6-го ехать вас встречать на ст. Запорожье. Алюша, тебе самой виднее будет ли стоить овчинка выделки. Если здоровье В. В. Будет сколько-нибудь неважно, вам, конечно, следует оставаться в Москве. Если же вы собираетесь ехать, то нужно ехать пораньше. Иначе вы не успеете отдохнуть перед твоею поездкою в Кустанай. Насчет жары здесь, конечно, очень свирепо. Но раз ничего, кроме жары, нет, то к ней волей неволей привыкается. Садики здесь есть. Есть и у нашей хатки, но это просто множество вишневых и других фруктовых деревьев, от которых тень нимало не похожа на тень наших перхушковских лесов. Купание здесь хорошее, но купаться можно только утром и под вечер. Иначе пропадает весь его эффект. Успеваешь совершенно изжариться, пока вернешься домой. Я не сказал бы, что вы здесь получите много удовольствия. Только очень хочется повидаться. Я страшно скучаю по вам обеим. Этого впрочем, во внимание принимать не следует. Состояние здоровья В. В. — важнейший пункт. Но если вам будет возможно ехать, то лучше ехать пораньше на вишни и абрикосы. О раскопках я вам уже писал подробно в предыдущих письмах. Пока результаты еще неясны. Третий день ведутся раскопки большого кургана. Сверху в нем обнаружено два татарских погребения с берестяными колчанами. Насчет брюк. Ничего не посылайте. Обойдемся и так. Рабинович во всяком случае отказывается, гораздо важнее хинин. Если тебе будет время, то достань и вышли. Мало ли, что может быть. Здесь ее не достанешь. Отношения у нас с Музеем самые дружеские. Среди раскопщиков то же самое. Фотографирование идет во всю. Все сейчас же проявляется, и мы имеем очень картинную цепь снимков. Да, Алюша, справься, захватив сберкнижку, переведены ли деньги на нее из ИФЛИ и заставь внести эту сумму в сберкнижку. По моему расчету, с 1/VI по 15/VIII должно быть около 1 500 р. Тебе будет свободнее в смысле трат на В. В. Оставь только на сентябрь и не забывай о квартире. Мусявочка! Гусениц, бабочек, а особенно жуков здесь очень много. Еще много всяких птиц. Но чем тебе можно наслаждаться, так это купанием и рыбной ловлей. Везде сидят мальчишки

и девочки и ловят рыбу. Говорят на полном месиве из русского и украинского языков. Вообще тебе здесь было бы совсем неплохо, только очень здесь жарко. Целую всех, особенно бабушку В. В. Папа Боря.

Никополь 4/VII 1937

Дорогая Алюша! Только что проездом через Никополь я получил сразу три твоих письма. Последнее от 1-го июля. Я сейчас очень спешу на катер, который повезет меня на место одной очень интересной случайной находки. Вернусь дня через два. Адрес домашний сообщил тебе давно в двух письмах. Значит ты их не получила. Пиши и телеграфируй впредь: Никополь Днепропетровской обл. Музей — мне. Все пока идет хорошо. Начали рыть большой курган, где уже сейчас обнаружено 7 — 8 погребений. Приезжай, когда хочешь. Буду всегда рад. Природа и хатка описаны в предыдущем письме. Деньги пока возьми с книжки рублей 200. Надольше у меня есть. Наверное, из ИФЛИ отпускные уже перевели. Интересно сколько там получилось. Меня очень беспокоит состояние здоровья В. В. Муся же будет целый день на речке, на мелком месте: там и тень и вода. Целую всех. Прости за бессвязное письмо. Я очень спешу. Миллиметровку или привези, или пришли. Уже вся вышла. Целую всех. Мусю особенно. Боря.

Никополь 7/VII 1937

Дорогие Алюша и Мусявочка!

Умом понимаю, что ехать вам из-за болезни В. В., м. б., и нельзя, а в душе очень мечтаю о вашем приезде. Но это, как Бог даст. В предыдущем письме я Вам наскоро сообщил, что еду верст за 30 от Никополя по следам одной интересной находки. Это была готская золотая бляшка из развеянного погребения на дюнах в выселках некоего поселка Водяного, теперь колхоз «Авангард». Ехало нас много: директор Музея, Рабинович, скотопромышленник Златопольский, передавший находку Музею, я и четверо рабочих. Находчик, старичок пастух, показал нам место находки, но никаких следов погребения не нашлось, т. е. череп и бляха были сдуты откуда-то с [...]мины дюн. Однако, при осмотре окружающих дюн недалеко было обнаружено еще одно развеянное погребение того же времени, хотя и без золотых вещей. На другой день, т. е. 6 июля, мы отпустили рабочих в Никополь, а сами решили осмотреть дюны, носящие здесь название Водянских Кучугур. Это огромная полоса частью подвижных, частью задернованных дюн, верст 15 длиною и версты 4 — 5 шириною. Вышли мы по холодку часа в 4 утра, дошли вместе до стоящей в одном месте триангуляционной пирамиды и разошлись с условием встретиться через час. Но в этой миниатюрной пустыне мы все разминулись и в результате каждый по отдельности около часа дня вышли в конец дюн на поселки Водяный и Каменку против Никополя. К сожалению, мы не сошлись между собой и каждый сам приехал в Никополь. Было немало смеху по этому поводу. В этих песках легче заблудиться, чем в лесу, до того в них все одинаково. Недаром маленькие няньки хохлушки, когда недовольны поведением своих подопечных братцев или сестриц, зовут их: «Отó кучугу́ра пога́ная» или «дурная кучугу́ра». Но зато интересна эта дюна очень: в ней на этом огромном пространстве есть все от неолита до аваров, готов и даже татар. Удивляться надо, как могли жить люди на этом громадном, сухом и безводном пространстве. Но все же эти кучугуры много беднее соседних Каменских, где на меньшем пространстве, но тоже измеряемом верстами, находки неизмеримо богаче, но и однообразнее.

Здесь преобладает Скифия. Мы осматривали их с Шапошниковым два раза, а вчера на них ездил Потапов, который нашел вещи в типе Бельского городища, т. е. значительно древнее основной массы вещей, относящейся к IV – III векам до н. э. Большой курган подвигается, хотя и не очень быстро, но и не так уже медленно. Сейчас из его высоты № 70 м уже снято долой 2 метра, причем обнаружено 7 погребений впускных, большею частью татарских. Снятая часть составляет около 1/3 объема за 7 дней, т. е. с 28 до 5 числа. Надеюсь, что если в работе не будет заминок, то до древнего горизонта мы доберемся между 15 и 20 июля. Но в центре уже показываются очертания огромной центральной ямы, метров 25 в квадрате. Таким образом, раньше, чем в конце месяца рассчитывать на полное вскрытие кургана едва ли приходится. К тебе просьба. М. б., ты найдешь время и купишь в Москве светофильтр для фотокора и вращающуюся головку. Пришли их со счетами на имя Никопольского Музея. Пришли также купленную тобою миллиметровку, прежняя уже почти вышла. Без нее нам было бы черезчур трудно. Хотел бы написать: «Привези», но твой приезд неясен. Хорошо бы, если вы приедете, чтобы вы все-таки приехали пораньше. В Лапинке лучше, чем в Каменке. Мусявинькину задачу мы до сих пор не сумели решить. Но это ничего. Ведь решение, конечно, можно прислать ко времени конца каникул. Пока здесь господствуют вишни, но скоро будут абрикосы. Намереваюсь при отъезде купить и отправить в Москву в запас на всю зиму пуд подсолнухов (12 р.) и пуд китайских орехов (рубл. Около 18 – 20). Ну, пока будьте здоровы. Привет всем. Целую крепко ваш папа. P.S. Пиши на Музей. Пришли адрес Тарасенко в Воронеже, чтобы развязаться и теперь же перевести ей деньги за буссоль. Боря.

Лапинка 9/VII 1937

Дорогая Алюша! Сильно затянулись раскопки большого кургана: очень тверда насыпь и далеко приходится относить землю. Впускных погребений только два татарских. Делать нам троим сейчас на нем нечего. Поэтому я отправляю Рабиновича в разведку. А. А., пока снимает насыпь кургана, а я привожу в порядок коллекции. Наступило скучное затишье. Насыпь сильно изрыта сурками, но это привычно и затрудняет незначительно. В эти дни жизнь идет очень однообразно. Мы ждем результатов, а ждать и догонять всегда бывает очень скучно. Мне тем скучнее, что я ждал сюда вас с Мусей и пока что все еще бесплодно продолжаю ждать. Надежды мои на ваш приезд все слабеют, раз В. В. надо лежать не меньше, как до десятого июля. Да и вообще я думаю, что ваш приезд становится чем-то мифическим. Как состояние здоровья В. В.? Как Мимишкино настроение? Как Сонина служба? Что поделывает моя крестница и добродетельный папаша? Жду хотя бы писем, если не вас. Я получаю их довольно часто теперь, но мне хочется еще больше, а то я без вас очень скучаю. Горячо целую тебя и Мусявочку. Остальным посылаю привет. Тете Соне желаю скорейшего выздоровления. Ваш Боря.

Никополь. 12/VII 1937

Дорогие Аля и Муся! Я уже довольно давно пишу Вам на дачный адрес, но Вы видно их еще не получали. Меня очень беспокоит Мусина нога. Надеюсь, что она скоро пройдет и вы сможете приехать. Вряд ли Вас это письмо уже застанет на месте. Все мы живем дружно и спокойно. Сейчас едем на Каменские кучугуры, а А. А. Рабинович идет в разведку по левой стороне Днепра на неделю. Студенты вовсе не приезжали. Напишу вечером. Привет вам. Целую Боря.

[Никополь]. 14/VII 37

Еду по делам в Никополь, опоздал на автобус и потому в ожидании его возвращения пишу вам несколько слов. У нас сейчас застой. Роемся насыпь большого кургана, в которой нет находок и погребений. Сегодня я м. б. поеду по делам в Днепропетровск. Если Вы выедете 16 или 17, я буду к этому времени уже назад в Никополь. Все жду от Вас телеграммы. Мне немножко надоел Рабинович, но это просто потому, что хочется поменьше народу. Ну, будьте, пока здоровы. Целую всех. Надеюсь, что бабушка здорова. Боря.

Лапинка 26/VI 36 [такая датировка рукой Б. Н.; видимо, в действительности: 1938, такой год скорее просматривается и на почтовом штампе].

Дорогая Мусенька! [Мы] все поселились у Марии Матвеевны. Заняли все помещения. Сегодня все ходили голосовать в Лапинку за Коркина. Роем пока что курганы. В конце месяца Алексей Иванович уедет и кое-что Вам расскажет про наши приключения. Пока что я здоров. Надеюсь, что у вас все благополучно. Целую всех. Папа.

Лапинка 28/VI 1936 [такая датировка рукой Б. Н.; видимо, в действительности: 1938, такой год скорее просматривается и на почтовом штампе]. Обратный адрес на конверте: Б. Н. Граков. Каменка на Днепре. Пролетарская ул. Д. 21

Дорогие Таня, Алюша, Муся, Варвара Васильевна и все остальные! Я, слава Богу, здоров. Живем все у Марьи Матвеевны. Она починила кухню, живет там сама. Студентки живут в первой комнате. Все мы расположились в двух остальных. Надо сказать, что из студентов, на мой взгляд, толк выйдет из двух – трех. Остальные, особенно женщины, – очень слабы и непривычны к жаре. Наиболее приемлемы из всей этой публики мужчины. Но дух их слишком для нас грешных высокого полета. Самый приятный это наш фотограф. О. В. А. ничего не говори Готье. Когда я приеду, я все сделаю сам. Я очень признателен Алексею Ивановичу. Только он взял не тот курган, что я наметил, а немного великоват. Поэтому мы начнем на Кучугурах только около 10 июля. Но это не беда. Курган меньше, но не менее интересен, чем прошлогодний большой. Вообще говоря, вовсе неплохо, что Вы в этом году в Никополь не приедете. Прежде всего потому, что у меня в этом году очень недостаточно для этой цели денег, да и погода в этом году хуже. Вообще, как я ни буду скучать, но, по всем соображениям, лучше Вам посидеть дома. Я приложу все старания, чтобы вернуться около 1-го августа. Будьте здоровы. Завтра напишу еще. Будьте здоровы. А. И. кланяется. Боря.

Лапинка 8/VII 1938

Дорогая Мусявочка! Не извиняйся, что мало пишешь. Многого ведь и нет в Вашей простой жизни. Большая ты у меня умница, что оберегаешь маму. Меня очень беспокоит ее недуг. У нас же жизнь очень однообразная. О кое-каких изменениях в хозяйстве Марии Матвеевны я тебе писал, только погода стоит очень нескладная. Очень жарко и в то же самое время непрерывная гроза. Они мешают работать в поле и спать на улице. Так как в доме очень жарко, то мне требуется, конечно, выбраться на двор, а часа в два – три ночи дождь немедленно загоняет меня в хату. Хата занята нами вся. Мария Матвеевна и Мотя живут в том домике, где в прошлом году жил ее сын. В первой комнате хаты, где в прошлом году жили М. М. и Мотя, спят шесть студенток, но и они часто выбираются во двор. Во второй

комнате сплю я, Нахов и самый путный студент Либеров. В узкой комнате, где спала ты и мама, спят студент и студентка, — муж с женой, а ее темная половина отведена Нахову под лабораторию. Обедаем мы в первой комнате. Сейчас у студентов отпуск на три дня: они готовятся сдавать мне экзамен. Это было условлено в Институте заранее с начальством. По-видимому они при этом изрядно волнуются. Грех сказать дурное, но они очень шумливы и изрядно мне надоели. Но впрочем 14-го они уедут и будет тихо. Смирнов приехал с женой и матерью, поселился у Шуркова отца: хата у них большая, а обедает с нами. Ну будь здорова! Привет Тане, Соне, бабушке, Нюре. Маме пишу отдельно. Целую. Папа.

Каменка 23/07 38. Обратный адрес: Каменка на Днестре. Пролетарская ул. 21. Граков

Дорогая Муся! Только сегодня я сообразил, что у нас с тобою одинаковый адрес. Напиши мне сюда. Мы пробудем здесь еще 12 дней. Питаемся абрикосами. Представь себе: они не надоедают. Помидоры тоже. Дыни едва начинаются. Кушаем в Конке: лучше Лапинки. Целую. Привет всем. Папа.

Каменка 29/VII 38

Дорогая Алюша! Получил сегодня твое письмо от 25/VII. Вероятно, и ты получила уже мое поздравление. Признаться, меня едва ли не больше всего порадовали письма от 21/VII, где и Муся и ты обе написали, что, собственно говоря, писать нечего. Это значит, что все обыденно, т. е. благополучно. Ведь нам, благодаря Бога, серьезно жаловаться нечего и не на что. Если бы только не твоя болезнь. Я назначил конец раскопок на 5 августа, а отъезд на восьмое. По правде сказать, следовало бы остаться числа до 15-го. Но надо поспешить, чтобы хоть неделю побыть с тобою перед твоим отъездом. У нас дела идут однообразно. Мы хотели порыть в порядке разведок в разных местах, но открытие оснований построек привело к задержке на одном месте вплоть до возможного окончания их. Вскрыто около 500 кв. м. Обнаружены канавы, по-видимому, служившие основанием стен. Одно помещение перекрывает другое. Комплекс, судя по найденным там клеймам, относится ко II-му веку до н. э., м. б., ко второй половине III-го. Рядом у Рабиновича нет построек, но очень мощный слой, дающий колоссальное количество керамики. Раскопки приобрели, т. о., довольно однообразный характер, стали как бы несколько скучнее. Однако, есть отдельные хорошие вещи. Кроме находимых в раскопках вещей, мы много собирали: Смирнов, чтобы сделать выставку в своем Институте, а я для своего археологического Кабинета. Но это может касаться, конечно, только массового материала. Материал же единичный должен поступить в Никопольский музей. Особенно много находит Нахов. Сегодня — гвоздь: он нашел прекрасную резную печать с женскою головкою, а в особенности много находит бус, причем ему норма ежедневно увеличивается, а он ее перекрывает. Впрочем, работать тяжело, так как установились очень жаркие дни и к 3 — 4 часам просто нечем дышать. Прямо с раскопок идем в Конку и купаемся. Работаем в очках от пыли. Все время несет мелкий песок, что совершенно мешает зачистке. Абрикосы сошли. Мы перешли на яблоки, груши и помидоры, но после абрикосов все это кажется просто дрянью. Дыни же и арбузы пока что слишком дороги, а мои коллеги сущие экономисты. Смирновым я очень доволен. Он работает не за страх, а за совесть. Впрочем, и с остальными очень хорошо. Хозяйка кормит много



хуже Марии Матвеевны, но мы вполне сыты. Фруктов поглощаем множество. Мусе сейчас отдельно писать не буду; устал, а есть еще археологическая работа. Целую всех. Рабинович нагло утверждает, что у нас не дворец, а только клозет бабушки Сайтоферна. Привет всем. Боря.

Киев 21/І 41 Обратный адрес: Киев. Бульвар Шевченка 14. Институт Археологии. Б. Граков

Дорогие мои Аля и Мусява! Доехал я очень благополучно, даже в конце концов к утру оказался совершенно один на нижней полке и под утро спал не хуже, чем с плацкартой. В нашем отделении была одна мужская компания. Мы сговорились не курить в нем, ходили в тамбур и поэтому пользовались сравнительно чистым воздухом. Надо мною на полке ехал на станцию Терещенскую какой-то пожилой и очень разговорчивый еврей. Даже вернее сказать старичок: ему лет 65. Интересно, что он оказался из Черниговской губернии Новгородсеверского уезда. Я из любопытства спросил, знает ли он мельника Залмана Рабиновича. Это — отец Борзиновича. Оказалось, что знает. До чего узок свет. Всегда и всюду обязательно найдутся люди, которые кого-то знают, кого и ты знаешь. Приехал я в Киев во-время. С вокзала двинулся прямо на бульвар Шевченка. В это же самое время туда приехал и Смирнов. Славина видел недолго, но сейчас же сказал насчет телеграммы на имя Карповой о твоём командировании на конференцию. Было около 5-ти часов. Славин обещал это сделать 21-го и, как мне удалось выяснить, сегодня эта телеграмма послана еще в начале дня. С утра было заседание античного сектора, где я принимал участие и затем сразу принялся за Днепрострой. Скифов мало; преобладают скорченные срубные. Решил взять на заметку и их. Они так совпадают с Никопольстроем, что лучше нельзя. Изучить мне их, следовательно, нужно. Остановился у Смирновых, где мне очень неплохо. Дальше будет видно. Напишу Вам обоим одно письмо, а дальше уж буду писать Мусяве, а тебя, Алюша, поджидать здесь. Целую крепко. Отдыхающий от Московской сутолки муж и папаша Б. Граков (он же Бикас и папишка).

Никополь 21/ІХ 45

Дорогая Алюша! Сегодня ночью уезжают Евреинова, Мелюкова и Пикуль. С ними идет часть вещей, которые выкопаны в Знаменке. Есть просто отличные вещи, хотя почти сплошь керамика. Но что можно было сделать при наших силах и полном отсутствии рабочих. Свыше 15 тысяч денег Музея Изобр. Искусств остались неизрасходованными. Есть несколько скифских костяных орудий: три несомненно еще ясных обломка и отличная игла для вязания [написано: вязания — А. С.] сетей. Много лощеной керамики, соберется ряд целых сосудов. Но если бы ты знала, как много времени пропадает на всякие подготовки. В начале у нас пропало 5 дней на сборы в Лапинку: карточки, банк, необходимость таскать на себе продовольствие; четыре дня убили по тем же причинам при поездке в Красное; два при возвращении оттуда; наконец, целых пять дней на переезд в Знаменку и разные хлопоты. Целых 16 дней из двух месяцев. Черт знает что такое! И сейчас на разные оформления уйдет не меньше двух дней. Впрочем, одновременно мы делаем выставку для Музея. Я обещал, до сих пор не удосужился и ясно, что раньше 25-го не выеду. Очень хочется домой, но дело не позволяет. А чувства удовлетворения нет. Силы пришли как-то сейчас. Ильинскую спешно зачем-то вызвали в Киев и на душе у меня стало гораздо легче. Со мною для работы в Музее остаются

Дашевская и Яценко. Мельниковская немного груз, но она больной и обидчивый человек, и я уж решил ее до конца терпеть. Имею предложения на тот год из Запорожского и из Бердянского музеев. Работы, если будем живы, хватит на тебя не меньше, чем на меня. Ну, да о том годе еще рано говорить. Откристаллизовались истинно работающие, заинтересованные и выносливые люди, которые и ходить, и лазить, и готовить, и хлопотать, и сами копать готовы: это — Пикуль, Евреинова, Яценко, Мелюкова, Дашевская. Ленчнер — милая, добродушная, но немного ленивая девица. Леня — никуда негоден. Обойдемся на пересадках и без него. Мне очень неприятно, что ремонт и картошка будут без меня. Но теперь скоро ничего не сделаешь, Поездка затягивается слишком долго. Скажи Вассе Григорьевне в И И М К'е, чтобы она постаралась мне выписать все карточки во время: ведь моя «форма N 7» у нее, а к 1-му я уже, конечно, вернусь. Целую Мусявушку. Чего смогу, все привезу. Целую тебя крепко. Спасибо, что присоветовала взять Евреинову. Это очень хорошая и порядочная девушка. Вот бы тебе постараться взять ее к себе в помощницы в Музей. Ну, всего — всего лучшего. Скоро, Бог даст, увидимся. Твой Боря.

Никополь 16/IX 46

Дорогая Алюша! Сегодня мы переезжали из Лапинки в Каменку и неожиданно застряли на ночь. Сломался паром, до завтра его не будет. Послали рабочих дозавтра в Лапинку. А сам я звонил в ИИМК к Леонтию из-за того, что не понимал, как быть с расценками продуктов. Ведь теперь все по новому. И представь себе: все было слышно. Он меня успокоил, сказавши, чтобы я отпускал продукты по прежним ценам. А то я уже собирался свертываться и везти продукты обратно. Вообще стал бить панику. Хочу приложить все старания приехать как можно скорее, но вижу, что раньше начала октября ничего сделать не сумею. После всего этого изменения цен людям станет нелегко. Мы то, конечно, не так потерпим. Ну, пока всего хорошего. Очень-очень хочу скорее домой. Часто и сильно кисну. Танюша здорова и весела. Как обидно, что с Эсауловым было так легко поговорить. М. б., позвоню Вам 29-го. Целую всех. Не горюйте ни о чем. Будьте все здоровы. Твой Боря.

Мелитополь 19/V 50

Дорогая Алюша! Сегодня мы ночевали в Мелитопольском музее. Ты, м. б., уже знаешь, что у нас беда с Калугиным [sic! — Калугин — см. письмо от 20. 05. 1950]. У него серьезный сердечный недуг, обнаружившийся в конце проезда от Москвы. Сейчас он лежит в больнице в Запорожье и, когда найдут возможным ехать ему на поезде, то уедет в Москву. Автоинспекция нашла нам на несколько дней шофера, молодого, но достаточно умелого. Из Автобазы нам пришлют шофера в Осипенко. Там мы будем сегодня. Вообще все это неприятно. И Калугина [sic! — Калугин — см. письмо от 20. 05. 1950] жалко, и кто-то будет другой неясно, и много лишних расходов. Я, как ни прикидываю, суточных мне брать не придется, особенно в начале. Поэтому увеличь мне месячное жалование с 400 до 500 руб. Все равно, дома же меня кормите. Первые 800 руб. пришли в начале июня (числа 1 — 2) телеграфом. Я укажу телеграммой, куда. Очень прошу, переезжайте скорее на дачу. Ну, пока всего лучшего. Привет всем. Андреюшке особо. Целую крепко. Твой Боря. На следующий год все надо строить иначе. В прошлом году был иной, много лучше подбор людей. Всего лучшего, твой Боря.

Осипенко (Бердянск) 20 мая 1950

Милая Аленька!

Я не смог позвонить тебе из Запорожья. Оставив там больного Калугина, мы с шофером, данным нам Автоинспекцией, в 2 часа 18-го выехали сюда. Ночевали в Мелитополе. Оттуда заехали в Ботиево, где побывали на большом селище и курганах, открытых в прошлом году. Вечером приехали в Бердянск и остановились во дворе какого-то железнодорожника. Огульчанского в музее не застали: он где-то на Берде разыскивает «неолит». М. б., мы вовсе не станем обследовать Берду, а прямо проедем дальше. Не хочется совсем влезать в чужую волость, хотя бы и такого любителя. Вообще очень нескладно пока. К моему удивлению, в Музее я ничего не нашел от Погребовой, когда она приедет и дали ли ей в гараже шофера. Ты, вероятно, уже знаешь всю эту историю с болезнью Калугина. Это едва ли не самая большая из неприятностей, так упорно преследующих в этом году наше маленькое предприятие. Всякого рода причины заставляют меня совершенно отказаться от суточных и просить тебя дать мне в месяц не по 600, а по 800 руб. Первую порцию пришли в конце мая. Позвонить тебе никак пока что не удастся. Из Запорожья мы выехали днем, а переговоры с Мелитополем длятся всего час и сплошь заняты казенными делами. Придется мне позвонить только из Запорожья, т. е. недели через три. Ну, будьте все здоровы. Я то здоров, но невесело из-за всей этой чепухи и особенно из-за вынужденного безделья. Машина сейчас для нас только обуза и лишние расходы. Ну, целую тебя. Пиши пока мне Осипенко, ул. Шмидта 3, Музей. Особенно поцелуй Андриюшу. Твой Боря.

Осипенко 20/V 50 (телеграмма)

Осипенко ВКЗ 1/125 15 20 1450 ОБХ-

Телеграфируйте пишите Осипенко ул. Шмидта 3 музей целую Боря

[Осипенко] 2 – 23/V 50

Милая Алюша! Сижу на правом высоком берегу Берды в 30 клм от Бердянска. Здесь на берегу поселение Обиточного типа. Сделали на обрыве шурф; керамики и костей только мелкие обломочки, ни на что непохожие. На дне слоя какая то кладка, м. б., очаг. На место мы выехали по подъемному материалу Огульчанского. Он поехал с нами. Жду своих спутников для более детального обследования Берды. Вчера над морем над одной балкой к востоку от Бердянска нашли [ш]офером [ш]ное римского времени селище. На нем один участок с твоей обиточенской керамикой и обломком сверленого топора (?). Шурфовки не делали, так как там все засеяно и запахано. 21. V. 50. Твой Боря. Продолжение. 22. V. Там же. Утром. Заложили еще шурф. Пара характерных черепков. Опять несколько камней от кладки. Немного костей. Большая часть стоянки, очевидно смыта Бердой. Поверхность стоянки очень неровная: много ям. Не древнее ли они Обиточной? Не совпадает ли скорее с Сабатиновской? Продолжение. 23. V. Сегодня вернулись в Бердянск, Мелюкова и Елагина идут пешком. Они должны обследовать маршрут от Ново-Васильевки до моря. Вероятно, они придут завтра вечером. Завтра, наконец, придут студенты и [ш]офер. Ну, будь здорова. Целую всех. Боря. P. S. Я уже писал тебе, что множество непредвиденных расходов вынуждает меня отказаться от суточных. Я прошу давать мне не 600, а 800 в месяц. Вышли их мне г. Осипенко Запорожской до востребования телеграфом. Пожалуйста, сделай это числа так 28-го. Твой Боря.

Бердянск 24/V 50

Дорогая моя Алюша! Ты уже знаешь, конечно, о болезни Калугина. Он остался в больнице в Запорожье. Его отпустят домой только тогда, когда увидят, что он спокойно может ехать. Я вчера говорил с ним из Бердянска по телефону. Сейчас с нами ездит шофер, молодой, взятый нами временно; он годился бы и на все время. Но раньше, чем мы его получили от областной автоинспекции я уже начал хлопотать в Москве. Только послезавтра приедет Н. Н-на с московским шофером. До тех пор мы крутимся около Бердянска. Я уже писал тебе о слое сабашиновского или обиточинского времени, содержащем каменные кладки, где мы заложили два шурфа, давшие к сожалению при остатках кладки всего по 2 — 3 кусочка керамики достаточно типичной. Место это амфорами не засорено, но осталась очень узкая полоса, всего метров 30 шириною. На этой полосе много недавних ям. Но все-таки место для раскопок найти можно. Поселений скифо-сарматского времени довольно много уже зарегистрировано. В виду всей этой волюнки с [ш]офером мы, очевидно, будем вынуждены взять меньший маршрут. Едва ли удастся дойти далее Мариуполя на восток. Это, вообще говоря, ничтожно мало. Но больше не успеть: приходится торопиться в Каменку. И то теперь я уже не мечтаю попасть раньше прошлогодного в Москву. Я все же отношусь ко всему этому много спокойнее, чем обычно. Вспоминаю Эдинга, сидевшего под невероятными дождями по месяцу и более в Нижнем Тагиле. Вспоминаю Городцова, потерявшего месяц на Частых курганах из-за дождей. Все это, однако, слабое утешение. Погода же здесь наоборот сухая и жаркая. Со вчерашнего дня непрерывно дует с моря. Стало терпимее, попрохладнее. Все мечтают о дожде, но прошлогодного уныния нет и в помине: пока еще сушь не погубила хлеба. Было в апреле и один раз в мае немного дождя. Много зимней влаги. Все же мне в этом году не очень ездитя и хотелось бы поскорее быть дома. Как-то у Вас там на даче? Больше всего хочется повидать Андрюшку на новом фоне. Как Мусины переводы? Я просил в предыдущем письме выслать мне числа 28 восемьсот рублей Осипенко до востребования телеграфом. Высылай их именно сюда, а я уж их как-нибудь получу. Следующее жалование я попрошу в том же размере к 20 — 25 июня и рискнул просить об его увеличении на 200 руб. у домашнего Наркомфина. Все это из-за того, что непредвиденные расходы не позволяют мне брать суточных. Ну, всего хорошего. Целую вас всех. Особенно Андрюшу хочется увидеть: ведь у меня нет ни одной его карточки. Еще раз всего лучшего. Либеров и шофер ушли паять радиатор: он протек. Аня на море. А Елагина чертит на кальке карту района в музее. Твой Боря.

Самарина балка 29/V 1950

Милая Алюша! Все еще спят. Сажу на подножке машины. Новый шофер совершенно обычная фигура. Все жалею о болезни Калугина. По балке, где мы ночуем бродят тысячи белых цыплят: на горке находится птицеферма. Вот бы сюда Андрюшеньку. За два дня мы объездили устья всех речушек и балок по берегу моря от Бердянска до Мариуполя. До последнего остается всего несколько километров. Урожай на стоянки и селища в этом году меньше прошлогодного, но есть еще два селища обиточенского характера и два, думаю, белозерского. Это потому, что там усы, а валиков немного и они менее выразительны. Больше же всего селищ сарматского времени и на них даже лощеная керамика к Костиной радости. Я ускоряю разведки, чтобы около 5-го июня повернуть на Каменку. Болезнь Калугина в этом смысле сыграла ту роль, что пришлось сокращать до

минимума время и срок разведок. Ну, пока всего лучшего. Будьте все здоровы. Очень хочу поскорее домой. Твой Боря.

Мариуполь 31/V 50

Милая Алюша! Пишу тебе во дворе Мариупольского музея. Это – огромное здание, трехэтажное, сплошь занятое музеем. Такое здание по величине, как академическое на Волхонке, только меньше этажей. Мы вернулись сюда после двухдневной разведки от Мариуполя до ст. Ново-Николаевской Донской области, теперь это Буденновка. Интересующего тебя в подъемном материале мало. Однако на той речке, где стоит Буденновка, Саша и Аня нашли обширное селище, по всем признакам, еще срубное доваликовое: множество обломков керамики не носит на себе никаких признаков валиков, есть баночные профили; впрочем один только похож на острореберные. В общем число обнаруженных пунктов не очень велико. Преобладают селища позднесарматского времени, как и в прошлом году. Сегодня мы на день задержимся в Музее. Будем рисовать, что кому надо. Здесь есть прекрасный нефритовый топор, вполне сходный с одним из Бессарабского клада. Как Андрюша? Как Вы все там на даче? Целую крепко. Боря.

Осипенко 1/VI 50 (телеграмма)

Вернулись Осипенко из поездки Буденновки результаты интересны Мариуполе много тебе интересного есть топор нефритовый бессарабского типа здоров пятого уедем Каменку целую = Боря

Осипенко 1/VI 50 (телеграмма)

Вышли телеграфом Осипенко восьмьсот востребование после третьего Каменка Днепровская целую = Боря

Осипенко 6/VI 50

Дорогая Алюша! Только что вернулись из разведки по Берде. Ничего интересного не обнаружили, так как разведка была не ... Более раннее я тебе уже сообщил. От Бердянска доехали по устьям всех балок и речек до Буденновки, т. е. до границы РСФСР. Среди прочих поселений (их не так уж много) есть два обиточинско-сабатиновского типа и одно, по-видимому, более раннее. В Мариупольском музее довольно много оказалось всякой археологии. Мы провели там целый день. Рисовали, записывали и т. п. Больше всего там керамики бронзовой эпохи – ямной, катакомбной и срубной, острореберных и банок. Лишь один банка с валиком; по моему, это уже вроде Белозерского лимана или даже позже. Среди всего этого поразительный нефритовый топор, до поразительности сходный с бессарабским кладом. Вот в каком роде [изображен контур топора]. И материал тот же: темно-зеленый с белыми крупинками. Я пробовал его сфотографировать. Вышло ли что-нибудь, не знаю. Вообще я нагло фотографирую все, что только придется. Что получится, Бог знает. Третьего дня на побережье между Бердянском и Обиточной в устье одной балки обнаружили огромное селище. К сожалению, оно оказалось разворочено особым плугом для виноградики до глубины 70 см. Там, ты увидишь, великолепная керамика, а один срубный горшок с очень оригинальным орнаментом. На Обиточной побывать не удалось. Когда поедешь в следующем году, я с тобой поеду и сам сниму тебе план. Все замедление с болезнью шофера и т. д. сильно сократило сроки нашей разведочной работы, и она невольно вышла

поверхностней и беднее, чем хотелось бы. Завтра выедем на Мелитополь и Каменку, чтобы в последний раз поработать на этом городище и потом навсегда с ним проститься. У нас все было бы дружно, только белая кость (Саша и Аня) поддразнивают Либерова. Ну, да это несерьезно. Хорошо, что Андрюша здоров и много гуляет. Как его диатэз? Как дела с дачей? Надеюсь, что Вы или ее уже купите или что-нибудь с этим навернется, оформим при мне. Буду всячески ускорять дело, но все же закончить ранее 5 — 10 июля вряд ли смогу. Впрочем, в этом году время идет как-то быстрее, чем в прошлом. А возвращаться домой мне нужно, так как надо заканчивать свое писание. Допишу и отправлю это письмо завтра. Очень устал, а до ящика не очень близко. Впрочем писать больше нечего. Отправлю письмо сейчас. Ты очень хорошо делаешь, что все делаешь медленно. Береги себя, ради Бога. Целую тебя, Мусю, Андрюшу, Таню, Олечку. В. П-чу привет. Трудно ему, наверное, ездить. Твой Боря.

Мелитополь 6/VI 50 (телеграмма)

Деньги получил едем Каменку здоров целую = Боря

Каменка 8/VI 50 [по штампу на конверте; число пропечатано неясно, м. б. и 3/VI, но штамп в Москве 11/VI, письма же идут дня три]

Дорогая Алюшенька! Вчера вечером мы приехали в Каменку. Поселились на улице Сталина дом 31 Загвоздкина. Адрес пиши такой, но без фамилии хозяина. Эту квартиру нанял нам Грязнов и он же отпечатал нам объявления о найме рабочих. Приехали мы вчера в 8 часов вечера и рабочих еще не нанимали. Ехали мы из Мелитополя не обычным путем, а несколько своеобразно: через Большой Токмак. Я получил от Мазина известие, что там при постройке канала разрушена часть кургана. Там мы застали Пешанова, успевшего скверно расчистить одно погребение с оригинальным ямным горшком шаровидной почти формы. Мы вскрыли три остальные погребения в течение вечера и утра. Одно из них ямное у самого центра кургана. Повидимому, женское, скорченное на спине на юг головою без всяких вещей, другое — катакомбное в катакомбе то же без вещей и то же скорченное на спине, несомненно, мужское. Наконец, третье — подростка лет 8-ми — с катакомбным сосудом, какими-то двумя трубочками костяными и со странным предметом. Это — комок белой мягкой глины с рельефной спиралью на верхней стороне. Работать, когда кругом пылят тракторы и экскаваторы, очень неприятно. Мы посоветовали музейным учредить там постоянный надзор и уехали через Белозерку. Это я сделал, чтобы показать людям Чмыреву могилу. Компания вообще стоящая. Но Саша мне немного надоел своим наставительным тоном. Кроме того, Саша и Аня составили комплот против Либерова и его все время дразнят. На счастье он глуп и чаще всего просто не понимает даже довольно тяжеловесных острот Формозова. Аню же он в грош не ставит. Надежда Николаевна тихая и хорошая женщина, хотя все время печется о Шульце. Шофер в роде Петрунина, но угнетен семьей из четырех детей, о которых много и с любовью говорит, но естественно много жалуется на тяжелую судьбу и по этой же причине довольно скуповат. Но в общем все это можно терпеть. М. б. уже завтра начнем работать. Все пока более или менее благополучно. Университетских денег в Мелитополь еще не перевели. Ждать я их не стал. Теперь уже ясно. Если этих денег не будет, то мы кончим работать на Каменке между 5 — 10 июля. Ну, будьте все здоровы. Теперь пиши почаще. Особенно об Андреюшке и о Мусе с ее работой.

Всех Вас целую. Привет Нине Александровне и В. П-чу. Таню и Олечку целую. Привет всем хахавекам и Соне. Твой Боря. Каменка Днепровская Запорожской обл. ул. Сталина, 31.

Каменка 12/VI 50

Дорогая Алюша!

Третий день копаем на кучугурах: продолжаем два раскопа прошлого года. В них были незаконченные жилища. Одно прекрасно приняло законченные очертания, другое оказалось по большей части разрушено. Вещи пока неказистые, если не считать серебряной серьги и массивного бронзового конуса довольно больших размеров. То ли это просто слиток металла, то ли гирька: уж очень правильна его форма. Керамики хорошей нет совсем. Есть кое-какое плохонькое железо. Ты напрасно думаешь, что разведку проделали уж очень быстро. Мы израсходовали на нее 18 дней. Это немногим меньше, чем в прошлом году. Обнаружено 75 разных памятников. Осмотрены устья всех балок и речек от Ногайска до Буденновки (Ново-николаевской станицы в прошлом). Есть все от ямной до начала средневековья. Но сокращая маршрут по недостатку времени, я делал это за счет углубления внутрь материка и ограничился прибрежной полосой. Иначе, при сокращении на две недели из-за разных опозданий срока всей поездки, разведки были бы провалены. В Каменке все идет своим чередом. Думаю, что на городище через три недели все будет кончено. Думаем еще покопать курганы в окрестностях Каменки. Деньги то все-таки истратить надо. Если бы не это, то я может быть ухитрился бы выехать пораньше. Речь идет, конечно, только о нештатной зарплате. Туго у нас только с суточными и т. п. Погода все время стояла сухая и теплая. Выдавались даже жаркие дни. Но уже третьего дня стало холодно, а сегодня был жестокий град и холодный ветер. Мы даже вынуждены были на час раньше прекратить работу. Пиши побольше об Андрюшечке. Какие еще деревья растут у него на работе? Милая Алюша! У меня тоже нередко бывают мысли, что жить уже м. б. немного, а м. б. и порядочно. Береги себя, мой друг. Поживем еще на новой даче. Поцелуй от меня Мусю и Андрюшеньку. Нине, В. П-чу и пр. передай привет. Приложу все старания, чтобы уехать поскорее. Но раньше первых чисел июля ничего не выйдет. А я готов хоть бы сейчас. Твой Боря.

Каменка 15 июня 1950

Милая Алюшенька!

Очень меня беспокоят твои похоронные настроения. Они опять проскользнули в письме № 4. И дачу купим м. б. не такую совсем как хотелось бы, но купим и устроимся в ней, и ее обживем, и к ней привыкнем, и оставим Андрюше о себе добрую память. Не торопись сдаваться. Еще поживем и повоюем. Должно быть, ты себя очень неважно чувствуешь и об этом не пишешь. Однако, если ты в силах, то, конечно, поезжай в Верею. Я же мало проявляю энтузиазма в этом году и скоро, а именно к первому, надеюсь расстаться с Каменкой и в начале июля быть в Москве. Между тем все идет по обычному. Рабочих много и они хорошие. Позавчера был урожай на железки и медяшки: отличная фибула, бронзовая булавка, много псальев и т. п. мелочи. Вчера наоборот: день был неурожайный, если не считать двух бусинок и какой то замысловатой подвески. В верхних же штыхах, в песке, турецкая трубка и серебряная копеечка Петра I-го. Быт же и все здесь до тошноты обычно. Вчера Погребова и трое студентов уехали вниз по Днепру на

обследование городищ и стало тише. Вчера же утром ушел в разведку по Конке Саша. Я очень скучаю по тебе и Андрюше. Конечно, и по Мусе, но она и взрослая и молодая. Только бы Вы все были здоровы. Привет всем. Целую. Боря. P. S. Что-то твои письма идут очень уж тихо по 8 — 10 дней. Боря.

Каменка 17/VI 50

Дорогой друг мой Алюшенька! Сейчас еще тихо: все спят. Сегодня восьмой день нашей работы на Кучугурах. Вчера день выдался на славу. Почти закончили одно наземное столбовое жилище, обнаружили (еще не вскрыли) остатки какой-то глинобитной печи, нашли 2 серии, большое зубило, кусочек литейной формы, несколько мелких орудий (долото, стамеску, 3 пробойника) и еще кое-какие мелочи. Сегодня четвертый день, как ушел в разведку Саша и как уехала на Нижнеднепровские городища Погребова. Живем тихо, ежедневно купаемся в Конке. В общем все пока идет благополучно. Меня гораздо больше беспокоит твое настроение и состояние. Чувствуется какая-то нехорошая усталость в твоих письмах. Наверно опять гипертония. Будь, мой дружок, осторожнее. Насчет же дачи не волнуйся. Приеду и буду искать. Правильнее всего искать в каком-нибудь кооперативе. Одна из студенток (Кожина), находящаяся в экспедиции имеет дачу в Ильинке. Хотя это Казанка, но она говорит, что у них есть отличные участки. Там, она говорит, всегда есть продажные дачи и обещает с отцом поговорить. Ну, пока что всего лучшего. Очень хочется увидеть Андрюшу и как он гуляет «по всем направлениям». Целую тебя крепко и Мусю с Андрюшей. Привет В. П. и Нине. Все уладится и с дачей. Я во всю стараюсь кончить здесь поскорее и вернуться. Твой Боря.

Каменка 19/VI 50

Мой милый друг Алюнюшка! Только что в обеденный перерыв получил твое обширное на 8-ми страницах письмо от 13/VI, написанное под непрерывный дождь. У нас погода дня три как умеренно жаркая. Сухо. Изредка перепадают дождички. Брызжет и сейчас из почти ясного неба. Если судить по прошлому году, то могут начаться сильные дожди. Это, конечно, сможет меня задержать. Но пока оснований для этого не чувствуется. Правда, сегодня получил извещение о приходе из Москвы 3 060 рублей университетской нештатной зарплаты. Но и это, если деньги банк выдаст своевременно, меня лично не задержит. Я прокопаю на городище до 1 июля, а остаток денег дам Либерову для раскопок курганов в восточном конце Каменки. С 1-го — на 5 — 6-ое я обследую Нижний Днепр от Коховки до Херсона и потом вернусь в Москву. Короче сказать 6 — 10-го июля я буду в Москве. На городище у нас из небольшого раскопа IX прошлого года уже сейчас развернулся раскоп около 700 м<sup>2</sup>. Из небольшого кусочка жилища, обозначенного канавами выросло то ли 2 жилища, то ли одно очень большое. Внутри этого комплекса четырехугольный огороженный участок и в нем груды золы. Среди нее огромное количество черепков одного большого сосуда. Этот участок расчищен не весь. Еще не вполне ясно, что это такое: зола лежит на блюдовидном слое глины. Ниже нее идет культурный слой. Ну, пора идти на Кучугуры (мы ходим обедать домой, всего 5 минут). Допишу после конца дня или завтра утром, смотря по тому, когда будет время. Утро 20-го июня. Всю ночь шел мелкий дождь. Сейчас безветряно, но пасмурно. Очень тепло. Саша в 12 часов уедет по Конке вниз до того места, где я закончил свои обследования в 1946 г. и спустится до ее



впадения в Днепр. Вскоре он вернется и уедет уже совсем в Москву: ему сюда прислали повестку на отбывание лагерного сбора. Н. Н-на еще в разведке с тремя студентами и машиной. Она прислала на 4-ый день из Красного Маяка на Днепре восторженную телеграмму. Все идет, таким образом, хотя и по сокращенному слегка, но по намеченному плану. В этом письме ты пишешь, что едешь в Верею 22-го, а в субботу пришла телеграмма с извещением о том, что не едешь вовсе. В чем дело? Если это интриги Цветковой и Брюсова или еще что-нибудь в этом роде, то это хоть и огорчительно, но полгоря. Хуже, если это твоя гипертония. А из письма видно, что это именно так. Поезжай, друг мой, к Орловой. Тебе надо приняться за это дело посерьезнее. Береги себя, не перегружайся ничем. Полемику лингвистов я читаю все время. Очень приятны статьи одного армянина (фамилию я забыл), доцента Никифорова contra Филин, Булаховского (особенно сильно) и Виноградова. Пиши побольше относительно Андриюши. Газеты все-таки все сохрани: буду их перечитывать. Целую всех. Что делать с наплывом из Пскова? М. И-на и Б. Н-ч это — понятно. Но зачем этот морально-психический выродок? Еще раз всего лучшего. Береги себя, ради Бога. Христос с Вами. Скоро надеюсь увидеться. Твой Боря.

[Каменка] 24/VI 50

Милая Алюшенька! Понемногу закругляемся. Через 7 — 8 дней раскопки на кучугурах будут закончены. Землянок не оказалось. Или вернее то, что я предварительно считал за начало землянки в прошлом году, оказалось очень большой (до 7 м длиною) ямой, вероятно, мусорною. Сегодня мы ее будем расчищать, придется строить представление о землянках по раскопаным в 1939 и 1940 г.г. Хотя они, кроме одной неполны, но их форма и устройство не вызывают сомнений. Из-за возможности найти где-то еще землянку я не стану сидеть в Каменке. Со дня на день должны прибыть в здешний банк 3 000 руб. из университета. Я из-за них задерживаться не стану, а передам остаток нештатных около 4 000 Либерову. Пусть раскопает парочку курганов в южном конце Каменки. Ведь до сих пор об этих курганах ничего неизвестно. У нас же раскоп этого года представляет собою 4 объединенные постройки, в замкнутом круге которых в центре находятся огороженные забором зольники две большие правильной овальной формы мусорные ямы. Будем заканчивать этот комплекс и для меня на Каменке достаточно и на этот год и на будущее время. Позавчера вернулась с разведок от Никополя до Каховки по 7 городищам Н. Н-на. Сияет от удовольствия, как медный пятак. Исправила планы Гошкевича, наверно пропасть всякого барахла в виде амфорных ручек и обломков простой и «полейской» (это от полей погребений) посуды. Около Старошведского городища (теперь Кастырское) Н. Н-на нашла большое катакомбное селище со значительным количеством кремня и с одним медным долотцем очень оригинальной формы. Саша при разведках обнаружил на Конке в 10 клм от ее устья у дер. Михайловки ниже Знаменки очень хорошее непаханое селище лиманского или обиточенского времени. По его рассказам и описанию это очень сохранный с мощным слоем селище. После раскопок поеду от Каховки до Херсона и на этом кончу. Пошли мне после первого 1 телеграмму в Херсон до востребования и около 5 — 6 одну в Симферополь. Поцелуй Мусю и Андриюшу, а себя береги, детка. По поводу марровщины: «Гром победы раздавайся, веселися, храбрый росс!». Что и как в Ленинградском ИИМК'е. Б. Граков.

Каменка 25 июня 1950

Дорогая Алюша! Сегодня вечером в Москву уезжает Саша. Пользуюсь случаем, чтобы послать тебе из Каменки еще письмо и поскорее. Он обещает отнести его в Музей или на Черкасский. Итак, вчера прибыли в Каменку 3 060 руб. из МГУ. Я должен их получить. Сговорился с банком получить их сразу в четверг, т. е. 29-го. На кучугурах предполагаем почти с полной уверенностью закончить 1-го. 2-го рассчитаться по это число с рабочими, а затем оставить здесь Либерова и выехать к Херсону, а оттуда в Симферополь. Надеюсь к 10-му быть в Москве. Так как раскопанных денег осталось еще около 4 000 рублей, то я здесь оставляю Либерова копать курганы. Конечно, это не очень важный исход, но иначе мне придется здесь сидеть неопределенно долго. Я предпочитаю часть денег передать Либерову под отчет; а сам или отчитываться до 1-го августа или отчитаться не во всем авансе. Аня переписывает дневник и взяла у меня свою ручку. Поднадоела мне вся эта компания. Особенно Саша и Аня: Они создали с Либеровым очень натянутые отношения. А Саша, принося значительную пользу делу, в то же время на все взирает скептически и держится тона и поведения балованного мамино сына, хотя и вежливого. Но это, конечно, скорее всего только смешно, но никак необременительно. Новые же студенты — Рюрик Садоков (уехал позавчера для участия в Хорезмском предприятии) и некто Гришин. Первый веселый и исполнительный, а второй тяжеловат на подъем, но исполнительен и аккуратен до последней степени. Девушек 4, все были у Рыбакова в качестве простых работниц. Поэтому они все довольно дельные. Однако они все в то же время в некотором отношении ханжи. В числе них студенческое начальство — староста курса. Все они от 19 до 21 года и совсем еще дети. Все русские. Сегодня мы едем на Мамай-гору, Солоху и открытую Сашей стоянку киммерийского времени. Думаю заранее, что это будет хороший объект для твоих раскопок. Так как это близко от Знаменки, то решили посмотреть на стоянку заранее. Сегодня день рождения одной из студенток. С моего разрешения, по поводу воскресного дня они на общественный счет закупили Каменского угощения: 2 бутылки сладкого вина и 2 кило мятных пряников. Собираются закончить пикником после поездки где-нибудь в плавнях или в посадке около Солохи. Очень [видимо, пропущено: устаю — А. С.] от обилия, хотя и нужного в этом году народу. Так как с 1-го в Каменке у Либерова никого не останется, то к этому времени хотим вызвать Яценко из Москвы и из Запорожья Пешанова. Иначе придется сидеть здесь мне. Ему без помощников не справиться. Пришли мне, дружок, одну телеграмму в Каменку, одну числа 5-го в Херсон и одну в Симферополь. Я буду телеграфировать, откуда только возможно. Целую тебя и всех самых близких. Твой Боря.

Каменка 26/VI 50

Милая Аленька! Пишу дополнительно к тому, что тебе передаст Саша. Место стоянки, на которую он нас возил — очень хорошее. Слои до полуметра. Много костей и черепков. Есть валики и штриховка. Один сосуд — часть плосковатой овальной мисочки. Засоренность поздним материалом ничтожна. Стоянка в невысоких обрывах над суховатой поймой, заросшей множеством старых ветел. От села не очень далеко. Есть какие-то домики в поле близ стоянки. Вероятно, это колхозные станы и в них можно будет остановиться, так как хлеб будет уже убран. Это, конечно, на будущий год. Большое тебе спасибо за

Андрюшину карточку. Я давно не видел его рожицы. Очень печально, что ты находишься в болезненном состоянии. Не нравится мне и то, что у Вас все «на высоких нотах», как ты пишешь. Надо хранить и свои нервы. Я, по крайней мере, стараюсь это делать и здесь и дома. А штат у нас действительно плоховат. И дачу поищем по моем приезде постарательнее и займемся оздоровлением штата. Ты пишешь, что на тебя в этом смысле сильно действует именно штат. И для твоего здоровья и долговечности и для Андрюши совершенно необходимо, чтобы штат тебя раздражал возможно меньше. Неплохо бы на время отпуска Польки заполучить сюда Марью Григорьевну. Станет сразу несравненно спокойнее. А Мусе и мне следует не создавать обстановки высоких нот. Особенно Мусе надо об этом подумать. Очень хорошо, что ее работа подходит к концу и недурно бы ей получить еще неспешный переводик. Ну, целую, мой дружок, тебя еще раз. Поцелуй Мусю и моего дорогого внука. Привет зятю и Н. А-не и всем родственникам. А прогос марровцев из Ленинграда. Многих надо просто гнать, а не только пересматривать их продукцию, как ты пишешь. Вообще, если наша администрация потеряет момент, чтобы окончательно прибрать к рукам ленинградцев, то ей цена ломанный грош. Не один раз уже просирали дело и теперь просрут, если не разгонят всю головку. Можно вообразить, как глупо чувствует себя С. П. Толстов. Он перед приездом сюда студентов произнес перед ними на лекции речь, в которой громил Чекабаву. Теперь он будет, конечно, громить Марра. И, так как он умнее и подлее наших корифеев, он, если они проворонят благоприятный момент, может прибрать к рукам и ИИМК, потому что ведь ИИМК то тоже ведь имени Марра. Татьяна Сергеевна, эта пломбированная марристка, теперь, конечно, растеряна и трясется, как овечий хвост. Агитируй в нашей дирекции за большую по всей силе возможности резкость против гловарей ЛОИИМК'а в организационном отношении. Целую еще раз. До скорого свидания. Твой Боря.

Каменка 30/VI [1950]

Дорогая Алюша! Сегодня последний день раскопок на кучугурах, завтра засыпаем. И все. — Кончается для меня новая археологическая эпоха в жизни: Никополь — Каменка. Начинается новая — Приазовье. А удастся ли ее кончить, это только от Господа Бога. Мне даже немного грустно вчера стало. Третьего дня был в Никополе. Вместо цветов на дворе ходят куры. Это нововведение теперешнего директора Голуба. Это просто кулачок. Все за эти 12 лет, что мы с тобой сюда стали ездить, совсем переменилось. На кучугурах результаты неплохие, в этом году найдено 7 серпов, много сережек и всякое мелкое железо. 4 жилища составляют один обширный комплекс; что-то вроде усадьбы. В этих домах 5 очагов, много, хотя и совершенно разрушенных остатков горнов, небывалое количество лаков и т. п. И разведки кое-что дали. Для тебя есть и на Днестре и в Приазовье. У меня есть даже проект поехать на тот год вместе с тобой и блуждать по этим местам со стоянки на стоянку, — везде покопать понемногу. Особенно хорошо киммерийское селище на Конке у Знаменки: оно хорошо и по сохранности, и по величине, и по необыкновенно красивому расположению над Конкою. После завтра выедем закончить маршрут по Днестру до Херсона. И тогда конец. Мне очень хочется Вас всех повидать, а с тобой так обо многом поговорить. Сейчас усаживаюсь за табели и ведомости. Ну, всего лучшего. Целую еще и еще вас всех. Особенно Андрюшеньку. Твой Боря.

Каменка 1/VII 50 (телеграмма)

Каменке кончаем завтра выезжаем Херсон здоров целую = Боря

Симферополь 9/VII 54

Милая Алюша! Все-таки в Евпаторию ехать пришлось. Там оказалось довольно много, к тому же раскопчного, материала. Сейчас восьмой час утра. Снимутся целые амфоры, и мы на поезде или на автобусе поедим в Симферополь, а оттуда сегодня же вечером в Керчь. В Керчи придется довольно долго (трудно сказать, сколько) прожить на одном месте. Это хорошо, так как непрерывные переезды еще более утомительны, чем даже непрерывная работа этой поездки. Писание оборвалось, началась в 8 работа в Музее. Поездом уехали в 9 часов в Симферополь. Пишу оттуда с почтамта. Я здоров. Работаю и очень скучаю по всем Вам. За два часа до отъезда в Евпаторию Шульц возил меня на раскопки курганов (это третьего дня). Сплошь ямные и катакомбные. Тебе стоило бы посмотреть. Удивительно хорош для детей пляж в Евпатории. Желтый песок и мелкое море. Вот бы куда Андреюшку. Целуй всех, моя родная, от меня. Андрюше напишу из Керчи. Пришли мне в Керчь до востребования 400 руб. Даже до Керчи никаких билетов, кроме мягких. Хорошо бы, если бы ты днем дошла от ГИМ до переговора на Телеграфе и позвонила Керчь Историко-археологический Музей. Можно не знать номера телефона. Все равно соединят. Целую еще раз. Твой Боря.

Симферополь 9/VII 54 Телеграмма Граковой

Десятого буду Керчи пиши туда Археологический музей Целую Боря

Бельск 6 авг. 1960

Милая Алюша! Мы благополучно приехали в Бельск вечером 4-го, переночевали у старой хозяйки. Затем пошли в школу, колхоз и сельсовет. Здесь сильная засуха. С овощами очень плохо. Нет даже помидоров и луку. Колхоз нам выписал гречневую крупу и мясо. Хлеб получаем там же, кирпичики, в роде тех, какие берем в своих 43-ьевских палаточках. Живем в одном палаточном лагере с шрамковскими. Сегодня с утра начали работать при семи семнадцатилетних школьниках: 5 девок и 2 паренька. Все очень старательные. Но от поры до времени идет слабый дождик. Да и вообще второй день нежарко, а в самый раз. Шрамко пробудет только до 15 — 16-го. С ним здесь жена, находящаяся, как видно, в ожидании. Поэтому он несколько торопится, да и денег у него нет уже почти на работу. Копают его студенты. М. б., некоторые из них останутся тут несколько дней. Надеюсь, что у Вас все более или менее хорошо. Я пока что чувствую себя хорошо. Да и ходить тут до работы два шага, хотя и через высокий вал. Целую тебя и всех наших детей. Ну, это ведь только еще начало. Будь здорова. Твой Боря.

Бельск 9/VIII 60

Милая Алюша! Спасибо вам всем за телеграмму. Здесь далеко до почты и сегодня там выходной, а за продуктами уже ушли. Мы живем в лагере со Шрамко с его уже налаженной жизнью. С 15-го останемся одни и будем хозяйничать сами. С продуктами неважно, больше всего с картошкой. За нее берут от 16 до 25 рублей за ведро. Из колхоза дают легко гречневую крупу, сало, — легко и хлеб. Остальное с трудом. В общем все-таки вполне устроимся. Сегодня третий день работы. У нас уже 16 — 17 человек молодежи от 16 до 18 лет, пареньки и девицы.



*Бельское городище. 1959 г.*

Копают старательно, но много шумят и резвятся. Пока в раскопе еще довольно жидковато. Находки редки. Мало даже керамики. Сегодня появилась какая-то яма и развал земляной печки со сводом из глиняных конусов. Б. А. Шрамко попросил меня просмотреть его популярную книжку (в рукописи) и сделать кое-какие замечания. Книга по археологии бассейна Северского Донца. Я прочитал уже около половины. Три дня покрапывало. Сегодня дождь принимался идти несколько раз и всю ночь перед этим проморосил. Но все это поздно. Однако, голода не будет. Принимаются серьезные меры. Возят и продают печеный хлеб. Ну, пока писать



*Бельск. 1959 г.*

нечего, кроме разве того, что ты и так знаешь: придется мне здесь пробыть до начала сентября, так как тогда только закончатся раскопки. Пока что все хорошо. Целую вас всех. Андрюше скажи, что я искал на картофеле гусениц, но их совсем не видел. Мусе спасибо за телеграмму. Как приживается Тоня? Твой Боря.

Знаменка 19 авг. 1962

Милые бабушка, Муся, Валентин Петрович и внуки! Я никак не могу послать телеграммы. В субботу в Знаменке почта закрылась в час, когда мы были на раскопках. Сегодня в воскресенье она выходная. Раскопки вокруг Солохи идут очень медленно. Бульдозер обещают на 10 дней со вторника. С 8-го до 13-го копали студенты сами. Теперь то же самое, но с прибавкою 9 – 10 старшекласников из Рогачика. В одном небольшом кургане не то две, не то три довольно глубоких, м. б., ограбленных катакомбы. Одна была трех метров глубины. Ее придется вскрывать сверху, так как это опасно делать снизу. Второй курган едва начат: сделан не более, чем на одну треть. Это обычные курганы малого размера. Метров по 20 в диаметре и метров 50 (*здесь явная описка, верно: «сантиметров 50» или «метров 0,5»*) в высоту. Все это заставляет предполагать общий конец не раньше 10-го сентября. Очень может быть, что мне придется остаться до первых чисел сентября. Тут в организации раскопок и денежного хозяйства ряд мелочей не слишком верно поставленных. Проверю всё дня через три, когда вернется Шкурко. Он уехал насчет работы бульдозера в Балках и отпросился проехать на 2 – 3 дня оттуда к жене и сыну. Адрес все тот же: Б. Знаменка, Пролетарская, 101. Завтра так или иначе ухитрюсь отправить телеграмму о своем приезде. Самочувствие сейчас у меня хорошее. Буду ездить на раскоп около 12 часов дня. Беспокоят Мусины курсы, Андрюшина школа и переходное состояние бабушки с новой домработницей. Привет Поле. Особый поклон Надежде Филипповне. Заранее жду от вас всех хоть одного известия. На Каховском море зелень куда-то пропала. Я вчера хорошо выкупался и сразу ожил. Душ и летнее купанье кажутся мне теперь лучше всяких резерпинов. Анна Ивановна и Елагина кланяются. Будьте здоровы, мои друзья! Дедушка.



Субботовское городище. Б. Н. Граков и А. И. Тереножкин. 1959 г.

Знаменка 20/VIII 1962 Телеграмма

Благополучно добрался Знаменку семнадцатого вечером письмо послал целую Боря

Б. Знаменка 24/VIII 1962 (2-е письмо)

Милые бабушка и все потомки! Это второе моё письмо. С приходом 21-го числа бульдозера дело оживилось. Открыто 5 катакомб скифского времени. Все в них обычное. В детской катакомбочке нашли чернолаковый канфар, бусы и золотую сережку с напущенной бусинкой, а также железный браслет. Но рабочих все меньше и меньше. Ждем второго бульдозера на днях. Будут студенты сами разбирать погребения и копать. По сложившейся обстановке я приношу немалую пользу. Анна Ив. и Нина Григ. мало еще понимают в курганах и дают кривые толкования. Мне придется пробыть несколько дольше. Раньше, чем пятого, а то и десятого меня не ждите. Насчет дом. работницы я не беспокоюсь, а вот если бы до моего приезда Н-да Ф-на или Софья А-на пожилы бы хоть немножко с бабушкой, а то одной с новым человеком ей будет м. б. неинтересно. Ты, бабушка, поскучай без деда. Мне здесь интересно, а как знать, м. б., я в поле последний раз. Я все время с сердцем и головой чувствую себя хорошо. Видно, резерпин помог. Дни здесь стали прохладнее. Пока что обходится без дождей. Один день у меня сделался понос очень сильный, непонятно отчего. Фтолозол меня быстро вылечил. Я езжу на курганы к Солохе только во второй половине дня. В первую половину я составляю примечания к железному веку, а в час или в два за мной приезжают для разрешения трудных вопросов раскопок. С едой неплохо. Мало мяса, но много овощей и даже достаточно винограду и арбузов. Молодежь вся неплохая. Но очень жаль, что нет Жени Симоновой. А. Ив., Н-на Елагина и Александр Иванович Шкурко кланяются. Целую Вас всех. Где будет учиться Андрияша? Приняли ли маму на курсы? Как Маша? Будьте здоровы. Привет Н-де Ф-не. Особо Поле. Еще раз целую твой Боря и общий дедушка. PS. Передайте привет и соболезнование незадачливой семье Менковских. Дед.

Верхний Рогачик 27/VIII 1962

Приеду пятого десятого здоров целую дедушка

Б. Знаменка 29/VIII 62 (3-е письмо)

Дорогая Алюша! Слава Богу, у нас теперь два бульдозера и работа пошла хорошо, хотя мне этот грубый способ неслишком нравится. Бронзы нет. Преимущественно разграбленные скифы. Больше всего битых амфор. В неразграбленном кургане — ребенок с золотой серьгой и канфар, там же воин с двумя копьями, двумя ножами и со множеством наконечников стрел. Там еще две ямы. Что в них содержится неясно. Я оказался нужен: оживились и в организационном смысле. Рабочих осталось трое. Остальное вслед за бульдозером копают студенты и делают это хорошо, несмотря на большую жару. Сегодня с утра прошёл небольшой дождь. Необходимость задерживаться после первого беспокоит меня из-за домашних дел. Полагаюсь на Мусю и жену Македоныча. Приеду и возобновлю хлопоты о квартире. Надо же ведь сделать последнее усилие. Я здоров и более или менее бодр. Работаю с утра вполне регулярно над железным веком, а потом еду в поле. Около 5-го надеюсь выехать. Только в случае необходимости останусь дольше. Целую вас всех. Это третье письмо. Твой Боря.

Б. Знаменка 1/IX 1962 Обратный адрес: Б. Знаменка Запорожской области. Археологическая экспедиция. Граков

Милая Алюша! Ты прямо попала в цель. Твои два письма от 29 и 30-го (по штемпелю Каменки) я получил в тот момент, когда накануне 1-го сентября четырех наших старых девок (А. И-на, Елагина и две студентки) выселили из класса, где они жили. Во всем этом доме три класса. В одном свалена мебель закрытого детского дома. В другом жили женщины, в третьем мы, или, вернее, один я. Там в прошлом году ночевал Андреюшка, когда они к нам заезжали. Сегодня Аня спала в бывш. мужской комнате. Остальные кто-где на обширном дворе и огороде, а я на террасе перед действующим классом. Все это вполне возможно, так как здесь жарко и тёплые ночи. Как жалко, что такая ужасная осень под Москвой. Здесь, впрочем, форменная засуха. Море Каховское (ex-Днепр [в письме написано через ять — А. С.]) цветет почему-то в этом году мало. Но с каменной дамбы купаться очень трудно. Камни по большей части острые и вечно все режут ноги. Я больше всего моюсь, сидя на плоских камнях над водой. Намылюсь раза два и обмоюсь. Первый цикл раскопок, — пять чисто скифских курганов, в понедельник или во вторник заканчивается. Почти все, кроме пяти довольно обычных погребений, ограблено. Катакомбы иногда довольно сложные. По делам завтра со Шкурко поеду в Никопольский музей, а потом вернусь в Знаменку и надеюсь во вторник или в среду выехать в Москву. Все налажено и пойдет теперь своим чередом и без меня. Конечно, если ничего не случится, чтобы мне пришлось остаться. Спасибо, что пишешь, насчет мусиных и андрюшиных хлопот. Но имею сведения, что школа, куда Андрюшенька поступает, очень неважная. Директор — крикливая и взбалмошная женщина. М. б., лучше было бы если бы Андрюша туда не попал, и вернулся бы к себе в школу. Если, конечно, это та школа. Ничего не пишешь, как и что с прислугой и кто с тобой останется пожить. Кажется, это третье письмо. Привет Н. Ф-не и всем, кто около тебя. Целую твой Боря.

Каменка Днепровская 4/IX 1962 Телеграмма  
Выезжаю пятого целую дедушка

#### Библиография

1. И жизнь, и слезы, и любовь... / [сост. Плешивенко А. Г.]. — Запорожье : ООО «ЛИПС» ЛТД, 2011. — 368 с. : илл. — Библиогр. : С. 343 — 347, 349 — 350, 365.
2. Граков Б. М. Скифы / Б. М. Граков. — К. : Вид-во АН УРСР, 1947. — 95 с. : ил.
3. Свиридов А. В. Солдатский сын Гаврила Граков, герой войн 1812 — 1814 годов, и судьбы его потомков : генеалогический очерк / А. В. Свиридов // Сб. трудов потомков участников Отечественной войны 1812 года. — М. : «Янус-К», 2008. — Вып. 3. — С. 89 — 112.

Свиридов А. В.

#### **Листи Б. М. Гракова з скіфських експедицій 1937 – 1962 рр.**

В статті публікується 51 лист Б. М. Гракова — видатного вченого археолога, дослідника скіфського Кам'янського городища — до родини, що написані протягом 1937 — 1962 рр. під час перебування у експедиціях в Україні.



**Letters B. N. Grakova from Scythian expeditions 1937 – 1962**

The paper published 51 letter B. N. Grakov – an outstanding scientist archaeologist, explorer Scythian settlement Kamensky – family, written over the 1937 – 1962 period of expeditions to the Ukraine.

Плешивенко А. Г.

**Б. Н. ГРАКОВ И КАМЕНСКОЕ ГОРОДИЩЕ: ПИСЬМА, ДОКУМЕНТЫ**

Археологические исследования Б. Н. Гракова в Украине начались в 1937 году. В связи с масштабными новостроечными работами, директор украинского Института археологии Л. М. Славин приглашает на раскопки московских и ленинградских ученых – М. В. Воеводского, М. К. Каргера, Б. А. Рыбакова, П. И. Борисковского, Т. С. Пассек и Б. Н. Гракова. В тот год Борис Николаевич проводит исследования курганов под Никополем, на территории строящегося трубного завода и осуществляет первые разведки на Каменском городище.

Благодаря сохранившимся письмам супругов Граковых, можно проследить хронологию первых лет работ в Каменке. «Меня очень интересуют твои раскопки на Кучугурах» – пишет Ольга Александровна в письме от 18. 07. 1938 г. [1, с. 168]. В короткой фразе другого письма, относящегося уже к 1939 году, чувствуется обеспокоенность Алюши (Ольги Александровны – прим. автора) чрезмерными нагрузками Бориса Николаевича: «Мне бы хотелось, чтобы ты не носился с Г. С. по окрестностям Никополя, а хорошенько отдохнул бы несколько дней и выспался бы» [1, с. 175]. Как руководителю экспедиции, Гракову приходилось решать многочисленные житейские проблемы. «Вот уже 4 дня как работаем на кучугурах. Раскопки пока идут туго: очень трудно с рабочими, их почти нет ... Либеров постарался и добыл через Запорожье овощей, арбузов и картофеля по заготовительной цене. Это сильно облегчит вербовку рабочих» (из письма от 23 августа 1940 года) [1, с. 185]. И почти в каждом письме о раскопках. 27 августа 1940 г.: «... начало бронзолитейной мастерской: много шлаков, литейные воронки, часть глиняной формы. Все это более или менее радует ...». 31 августа: «В кучугурах найден великолепный целый скифский сосуд. Ура!». 4 сентября: «Много занимаемся разведкою по городищу ...». 13 сентября: «Кучугуры себя показали ..., потоком хлынули находки, есть клейма, есть указание на конец V-го века. Есть монеты. Много железа .... Смирнов сегодня приступает к зачистке валов. Обследование городка показало на нем культурный слой того же состава, что и на городище ...». 18 сентября: «... на кучугурах открыт в двух местах новый тип жилищ, с подвалом, на столбах и с глинобитной печью в подвале ...» [1, сс. 186, 190 – 192]. Первые результаты исследований оформились в книгу «Скіфи», написанную на украинском языке и вышедшую лишь в 1947 году [2].

Научная деятельность Б. Н. Гракова гармонично переплеталась с темой сохранения археологических памятников. Летом 1944 г. он получает особый мандат Всесоюзной чрезвычайной комиссии, дающей право установить утраты, которые потерпели археологические памятники в районе Запорожья – Никопольщины.